
УДК 811.352.3:81'276

ББК 81.602

К 18

Камбачоков А.М.

Доктор филологических наук, профессор, директор Межотраслевого регионального центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки руководителей и специалистов Кабардино-Балкарского государственного университета, e-mail: akamb@mail.ru

Уракова Ф.К.

Доктор педагогических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета, e-mail: kafrus129@yandex.ru

**Жаргонизмы как средство выражения ингерентной
экспрессивности в кабардино-черкесском языке**
(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуются особенности функционирования жаргонной речи в коммуникативном акте и анализируются вопросы выражения ингерентной экспрессивности посредством жаргонизмов в кабардино-черкесском языке. Рассматриваются не столько природа и специфические свойства жаргонизмов и арготизмов, сколько средства выражения ими экспрессивности. Отмечается, что жаргонная лексика находится за гранью литературного языка, тем не менее она нередко используется в художественной литературе для воспроизведения действия в повести или романе, передачи речевой характеристики героев. Но при этом жаргонизмы, так же как профессионализмы и диалектизмы, должны быть использованы в произведении в составе не авторской речи, а речи героев.

Ключевые слова:

Теория экспрессивности; выразительность речи; ингерентная экспрессивность, адгерентная экспрессивность; жаргонизмы, арготизмы; слэнгизмы.

Kambachokov A.M.

Doctor of Philology, Professor, Director of Interbranch Regional Center of Skill Improvement and Professional Training of Heads and Specialists, Kabardino-Balkarsky State University, e-mail: akamb@mail.ru

Urakova F.K.

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Deputy Head of Department of the Russian Language and Techniques of Teaching, Adyghe State University, e-mail: kafrus129@yandex.ru

**Jargons as means of expression of the inherent expressivity in the
Kabardino-Circassian language**

Abstract:

The paper discusses the features of functioning of slangy speech in the communicative act. An analysis is made of expression of the inherent expressivity by using jargons in the Kabardino-Circassian language. The author examines the means of showing expressivity by using jargons and argo rather than their nature and specific properties. It is noted that the slangy lexicon is beyond the literary language. At the same time, it is often used in fiction to reproduce action in the story or in the novel and to give the speech characteristic of heroes. However, jargons, just as professionalisms and dialecticisms, should be used in a work as a part of speech of heroes rather than the author's speech.

Keywords:

The theory of expressivity, expressiveness of speech, inherent expressivity, adherent expressivity; jargons, argo, slengism.

Одним из эффективных средств выражения экспрессивности является собственно экспрессивная лексика, то есть специальные экспрессивно окрашенные в системе языка единицы, само значение которых непосредственно выражает оценку. При этом в семантике экспрессивного слова «объединяются два макрокомпонента: денотативно-сигникативный (денотативно-сигникативное содержание), «осуществляющий» связь между языковым знаком и объективной реальностью, «кусочек» которой он отражает, и коннотативный (коннотативное содержание), связанный с отражением сферы эмоционально-психической деятельности – чувств, эмоций, эмоциональных переживаний человека, субъективных мнений и субъективных представлений о реальных явлениях. Коннотативное содержание при этом отождествляется с экспрессивным» [1: 76].

В адыговедении, как и в общем языкознании, нет единого подхода к сущности и природе экспрессивной лексики. Наряду с собственно экспрессивными словами в экспрессивный лексический фонд нередко включаются лексические единицы, изначально содержащие в своей семантике названия свойств или действий предмета, вызывающих у общественности явное порицание или одобрение. К ним адыговеды Х.З. Гяургиев и Х.Э. Дзасежев относят слова типа *анэмыуций-адэмыуций* – «невоспитанный» (букв.: отцом-матерью не

воспитанный), *цхьэхуещэ* – «корыстолюбивый», *дыгьуакIуэ* – «вор», *бзэгухьэ* – «сплетник, ябеда» [2: 17]. Другие языковеды в экспрессивный лексический фонд часто включают слова типа *веселиться, любить, ненавидеть; плохой, хороший; ярость* и др., являющиеся либо названиями различных эмоций, чувств, переживаний, либо словами, объективирующими оценку, или же усилительными словами. Между тем, слова, называющие чувства, слова, выражающие интеллектуальные оценки, и экспрессивно нейтральные интензивы должны быть, по справедливому, на наш взгляд, мнению Н.А. Лукьяновой, выведены за границы экспрессивной лексики и отнесены к фонду собственно номинативных лексических единиц [1: 30].

Экспрессивно маркированные лексические единицы находят широкое применение в различных пластах разговорной речи: собственно экспрессивном просторечии, вульгаризмах, окказионализмах, историзмах и архаизмах, а также готовых речевых формулах, выступающих выразителями оценки всей ситуации общения. Активными выразителями ингерентной экспрессивности в кабардино-черкесском языке являются и жаргонизмы – слова, используемые «преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста» [3: 151]. Жаргонизмы

характеризуются, прежде всего, ярко выраженной экспрессивностью с преобладанием коннотативного значения над денотативным и являются составной частью экспрессивного просторечия.

Наряду с термином «жаргонизмы» в языкознании используются «арготизмы» и «слэнгизмы». При этом арго рассматривается как специально засекреченный язык, используемый ныне в воровском мире, а в качестве основной черты, отличающей слэнг от жаргона, указывается на повышенную эмоциональность слэнга и возможность его употребления практически во всех речевых ситуациях. Вместе с тем, мы в нашей работе, посвященной не столько природе и специфическим свойствам жаргонизмов и арготизмов, сколько средствам выражения ими экспрессивности, будем пользоваться для простоты термином «жаргонизмы», объединив под ним и слэнгизмы и жаргонизмы в исследуемом языке. Что касается арготизмов, то их (помимо использования русских *стукач*, *уркэган*, *вышкэ*, *шпэна* и др.) едва ли можно встретить сегодня в лексическом фонде современного кабардино-черкесского языка, в котором жаргонная и арготическая лексика «довольно слабо развиты и почти не представлены сколько-нибудь заметным образом в художественной литературе и других письменных источниках, вследствие чего еще не стали объектом каких бы ни было лексикологических исследований и лексикографических произведений» [4: 123].

Тем не менее, исследование того имеющегося в языке небольшого материала дает основание заключить, что из традиционно выделяемых в лингвистике приемов образования жаргонизмов (метафорический перенос значения; сохранение внутренней формы; использование экспрессивно-интенсивного компонента значения слова для создания нового смысла; намеренное сталкивание общепринятого значения с новым и др.), для кабардино-черкесского языка более

характерны первые три способа из перечисленных. При этом первый и самый продуктивный – образование жаргонизмов путем метафорического переноса значения – наряду с другими средствами создания экспрессивности посредством тропеических образований нами рассмотрен ранее. Из оставшихся двух приемов способом сохранения внутренней формы образованы жаргонизмы типа: *гъуццIу* – «твердо, надежно, безусловно (букв.: железно)», *зылъэфын* – «тащиться», *дзын* – «подставить, обмануть (букв.: кинуть)», *емынэ* – «чумовой», *умыху (от хун)* – «не гони (в значении: не мели чушь)», *бзы* – «девочка, девушка (букв.: самка)», и др.

Методом использования экспрессивно-интенсивного компонента значения слова для создания нового смысла образованы жаргонизмы типа *нэдзысын* – «домчать, добросить, довести до чего-либо», *кIэццIэ-укIэн* – «всучить», и др. [5: 242].

По существу, значительная часть жаргонизмов в кабардино-черкесском языке – это часть слов общего употребления, выражающих помимо своего основного еще и дополнительное, экспрессивное значение: *ццIэуэн*, *хэуэн*, *къэсыжсын* – «влипнуть основательно», *гъэсысын*, *къытыгъэжъыкIын* – «отчитать, поругать (букв.: потрясти, поджарить)», *лупIэн* – «прикончить», *хуфIэццIэн* – «обмануть (букв.: повесить кому-либо что-либо); соответствует русскому «повесить лапшу на уши»», *дзын* – «подставить, обмануть (букв.: кинуть)», *гъуццIу* – «твердо, надежно, безусловно (букв.: железно)», *зыгъэфын* – «сгинуть», *игъэсыкIын* – «избавиться от кого- (чего)-либо (букв.: выкурить, спалить что-либо в чем-либо)»; *зылъэфын* – «тащиться», *гъэуэн* – «нести бестолковцину (букв.: стрелять (холостыми)», *хухэтын* – «быть со странностями, придурковатым», *зыкъытегъэхын* – «увиваться, приударить (за кем-либо)», *умыху (от хун)* – «не гони (в значении: не мели чушь)», *бзы* – «девочка, девушка (букв.: самка)», *хуыдэн*, *хукъуэльхээн* – «отвесить (букв.: поколотить)», *егъэмэрэкIуэхын* – «слопать», *емынэ* – «чу-

мовой» и др. «Зыгъэф!» - хуилгац зи цхьэр фадэм зттрихуа лы чэфыр кьыццыхьа и ефэгъум (Хь.С.) – «Сгинь!» – прикрикнул на своего собутыльника, появившегося на пороге, мужчина, у которого голова трещала от выпитого». Кьалэбгъум сынэдзысыт-тлэ, ццалэфI (С.Б.) – «А домчи-ка меня до окраины города, молодец». А уи клэрыццэ-ным жагъын кьыпхуццлэмэ, еуи игъэсыкI (Щ.И.) – «Если твоя спутница окажется с норовом, возьми да избавься от нее (букв.: выкури)». Мышкыши кьуажэм кьыццыхьуам псори кьыццхьэпридзац. (К.А.) – «Случившееся в ингушском селе опрокинуло всех». Кьызитар езгэмэрэкуэжыурэ сыгупсысэу ццлэдзац (Т.Хь.) – «Я стал размышлять, лопая то, что он мне дал». (Ш.Хь.) – «Он боялся одного: если Темир узнает, где был вчера, то он влип основательно (букв.: приехал)».

При анализе экспрессивной лексики ограниченного употребления кабардино-черкесского языка нередко возникают проблемы с выявлением статуса тех или иных лексических единиц для определения их групповой принадлежности. Неоднозначность значений, выражаемых частью из них, размытость смысла и его варьирование в зависимости от контекста приводят к различным негативным последствиям. Во-первых, значительно усложняет хотя бы условное проведение границ между собственно просторечными словами и жаргонизмами, во-вторых, затрудняет восприятие и однозначное осмысление текста реципиентом. Так, жаргонизм *зекъутэр* в предложении *Ныццхьэбэ Мэздахэхэ нысэу кьыхуахьа хьыджэбзым хуабжьэу зекъутэр* одинаково успешно истолковывается и как «упакованная» (ухоженная, вся в дорогих украшениях и нарядах) и как «ломается» (не «уговаривается», не соглашается на то, чтобы остаться в доме жениха). В зависимости от этого значение приведенного текста может адресатом речи восприниматься в одном случае как «Девушка, которую сегодня вечером привезли Маздаховым в качестве невесты, вся «упа-

кованная» (в значении: ухоженная, вся в дорогих украшениях и нарядах); в другом случае как «Девушка, которую сегодня вечером привезли Маздаховым в качестве невесты, «ломается» (в значении: не «уговаривается», не соглашается на то, чтобы остаться в доме жениха).

В-третьих, затрудняет определение направленности (положительной или отрицательной) оценки, выраженной в денотативном значении той или иной лексической единицы, относящейся к жаргонизмам. Так, жаргонизм *емынэ* – «чумовой» (имя существительное в позиции относительного определения) выражает понятие «неординарный, имеющий резкие отличительные особенности». В зависимости от контекста он в одном случае выражает позитивную оценку: *Иджы Мурат гъуэгум хуэму цыпхуэцкIуэжын? Абы и машинэм мотор емынэ дигъэувац.* – «Станет ли теперь Мурат медленно тащиться по дороге? Он приладил к своей машине чумовой двигатель»; в другом случае жаргонизм *емынэ* наделяет определяемый предмет негативной оценкой: *А хьуниццIакIуэхэм я Iэтаццхьэр езыр ццыхьа емынэ гуэриц: и Iуэху ухэзымыгъэIэбэниц* – «А главарь-то воровской шайки сам человек чумовой: не допустит вмешательства в свои дела».

Это и есть, пожалуй, основные факторы, препятствующие четкому и точному восприятию жаргонной речи в процессе общения [6: 17].

Жаргонная лексика находится за гранью литературного языка. Вместе с тем, как видно из иллюстративного материала, она нередко используется и в художественной литературе для воспроизведения действия в повести или романе, передачи речевой характеристики героев. Но при этом жаргонизмы, так же как профессионализмы и диалектизмы, должны быть использованы в произведении в составе не авторской речи, а речи героев.

Таким образом, жаргонизмы характеризуются ярко выраженной экспрес-

---

сивностью с преобладанием коннотативного значения над денотативным. Неоднозначность выражаемых ими значений, размытость смысла и его варьирование в зависимости от контекста значительно затрудняет восприятие и однозначное осмысление реципиентом как самого тек-

ста, в состав которого входят жаргонизмы, так и определение направленности оценки, выраженной в денотативном значении подобных лексических единиц, что создает определенные препятствия для четкого и точного восприятия жаргонной речи в процессе общения.

Примечания:

1. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
2. Гяургиев Х.З., Дзасежев Х. Э. Стилистические аспекты лексики современного кабардино-черкесского языка // Кабардинский язык: учеб. для сред. спец. учеб. заведений, школ и классов с углубленным изучением родного языка. Нальчик: Эльбрус, 1995. Ч. 1. С. 17-24.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Кабардино-черкесский язык. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 2. 520 с.
5. Камбачоков А.М., Губжокова Д.Д. Особенности функционирования зооморфизмов в кабардино-черкесском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 242-248.
6. Hartman P. Texte als linguistischches Objekt. Beitrage zur Linguistik. Munchen, 1971. P. 17.

References:

1. Lukyanova N.A. The expressive vocabulary of the colloquial use: the problems of semantics. Novosibirsk: Nauka, 1986. 232 pp.
2. Gyaurgiyev Kh.Z., Dzasezhev Kh.E. Stylistic aspects of the modern Kabardian-Circassian language vocabulary // The Kabardian language: a manual for secondary special colleges, schools and classes with the profound study of the native language. Nalchik: Elbrus, 1995. P.1. P. 17-24.
3. Linguistic encyclopedic dictionary / ed.-in-chief V.N. Yartseva. 2nd ed., enlarged. M.: Great Russian Encyclopedia, 1990. 685 pp.
4. The Kabardian-Circassian language. Nalchik: El-Fa, 2006. V. 2. 520 pp.
5. Kambachokov A.M., Gubzhokova D.D. Features of zoomorphism functioning in the Kabardian-Circassian language // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Issue 2. P. 242-248.
6. Hartman P. Texte als linguistischches Objekt. Beitrage zur Linguistik. Munchen, 1971. P. 17.